

ЗАВЕРШАЮЩИЙ номер нашего журнала в 2015 году посвящен проблеме отношений науки и религии в исторической перспективе, прежде всего, осмыслению этих отношений как отношений конфликта и попыткам их преодоления в XIX и XX веках. Этим номером мы продолжаем содержательную линию, которая была начата нами в предыдущих выпусках: номере 1 за 2013 год («Религия и “Научная революция”») и номере 1 за 2015 год («Диалог науки и религии: новые ракурсы»).

Так называемый «тезис о конфликте» (*conflict thesis*) долгое время казался безоговорочно верным, однако его упрощенная версия уже давно и активно оспаривается в западной историографии. Большинство последних публикаций показывает, что в XIX веке между «наукой», «религией», «философией» и «эзотерикой» шел весьма активный диалог, иногда не вполне осознаваемый самими участниками, но понятный современным исследователям благодаря исторической дистанции и опыту, накопленному историографией за прошедшее столетие. Такая примирительная трактовка отношений науки и религии в свете исторической перспективы характерна для большинства статей предлагаемого читателям номера журнала.

Открывает выпуск серия статей, посвященных вопросам воздействия биологической теории эволюции на содержание и развитие религиозной мысли в XIX–XX веках. В центре внимания статьи Бернарда Лайтмана «“Тезис о конфликте” и научный натурализм» находятся сочинения британских ученых Г. Спенсера, Дж. Тиндаля и Т. Гексли, а также новые работы, посвященные их взглядам. Автор утверждает, что научные натуралисты «пересмотрели христианскую теологию в свете современной науки, чтобы сформулировать собственную теологию», и потому, по мнению автора, речь должна идти не столько о конфликте науки и религии, сколько о конфликте двух различных теологий. Дэвид Чеккарелли в своей статье («По ту сторону тезиса о конфликте. Эдвард Дринкер Коуп и неоламаркианский “компромисс” в XIX в.») показывает на примере американского палеонтоло-

га Эдварда Д. Коупа, как ученые стремились найти точки пересечения между эволюционной теорией и христианскими представлениями о человеке. Статья Рональда Намберса и Эдварда Ларсона «Творение, эволюция и границы науки: дискуссия в Соединенных Штатах» показывает актуальность той же проблематики на примерах различных судебных процессов, проходивших в США в XIX–XX веках. Раскрывая различные способы аргументации противников и сторонников теории эволюции, авторы подчеркивают значение современной философии науки для понимания позиций противоборствующих сторон. В центре внимания статьи Александра Храмова «Теистическая эволюция и дарвинизм: от войны к миру» — концепция теистической эволюции, чью историю автор прослеживает от XIX века до настоящего времени, показывая ее значение для современной теологической мысли и усматривая ее истоки в западной богословской традиции.

Помимо прямого воздействия научных теорий на религиозную мысль, можно утверждать, что влияние их было также опосредованным, прежде всего, через философское осмысление противопоставления науки и религии как двух самостоятельных сфер человеческого опыта. При этом не только философские труды содержали в себе идеи, которые религиозная мысль могла использовать для примирения науки и религии, но и сама философия могла рассматриваться в качестве такого посредника. Хороший пример первого случая предлагает в своей статье Станислав Панин («Философия Канта и идея обновления науки в эзотерической литературе второй половины XIX — начала XX века»): автор показывает, как идеи И. Канта были использованы представителями эзотерической традиции. Еще один пример того, как философия может «примирить» науку и религию, находим в статье Константина Антонова «Философская рациональность между религией и наукой: русское гегельянство конца XIX века (Б.Н. Чичерин и П.А. Бакунин)». Автор раскрывает взгляды мыслителей, стремившихся разработать проекты «философской теологии»: «противостоя как научному, так и религиозному обскурантизму, они в деле восстановления равновесия расходящихся сфер культурной и духовной жизни возлагают надежду на их философское опосредование». Статья Павла Хондзинского «Синтез опытной психологии и метафизики в духовно-академической науке второй половины XIX столетия: А.Е. Светилин и его ученики» демонстрирует уровень развития научных знаний в российских до-

революционных духовных академиях. Автор подчеркивает, что в трактовке учеников А. Е. Светилина «философия, дополненная опытным знанием о человеке, с неизбежностью должна придти к не противоречащим богословию выводам».

Завершают главную тему статьи, посвященные теоретическим вопросам соотношения науки и религии в XIX столетии. Статья Владислава Раздьяконова «“Наука” и “религия” в эпистемологии отечественных спиритуалистов: трансформация классической науки в конце XIX столетия» предлагает рассматривать движение экспериментального спиритуализма как одну из маргинальных научных программ, возникших в процессе перехода от классической к неклассической науке и стремившихся разрешить некоторые фундаментальные проблемы новоевропейской философии (соотношение материи и духа, души и тела). Статья Павла Носачева «Оккультизм и романтизм как две формы “секуляризованного эзотеризма” XIX — начала XX в.» указывает на важные отличия в отношении к научному знанию двух разных ветвей эзотерической традиции. Автор подчеркивает значительное влияние научного мировоззрения на эзотерические идеи, в частности, усматривая именно в полемике с ним условие для развития его «романтической» ветви. Статья Александра Пигалева «Концепция транскulturации как теоретическая рамка дискурса “наука и религия”» стремится выявить особенности модерна как цивилизационного «проекта» и, раскрыв его историческую обусловленность, указать на плодотворность изучения культурных контактов в процессе распространения и усвоения разных аспектов этого «проекта». Именно под этим углом автор рассматривает историю взаимоотношений науки и религии в России, которая была во многом задана специфической рецепцией западной академической культуры в XVIII столетии.

Публикации источников также посвящены основной теме номера. Предваряемое предисловие Артема Соловьева сочинение архимандрита Никанора (Н. Бровковича) «Христианство и прогресс» (1860) рассматривает «учение о прогрессе» как антихристианское учение, основанное на идеях философского материализма и пантеистического идеализма, и противопоставляет ему христианское учение о нравственном преображении личности. В публикуемом впервые, с небольшим предисловием В. С. Раздьяконова, сочинении русского биолога Н. П. Вагнера «Что такое спиритизм?» (1895) автор рассматривает спиритическую практику как средство возвращения неверующих в лоно Православной

церкви, а также утверждает значимость явлений материализации для правильного понимания устройства духовного и физического мира.

Как и в других выпусках журнала, мы публикуем статьи, не имеющие отношения к главной теме номера. Статьи Александра Казанкова, Николая Цыремпилова, Игоря Пибаява, Кирилла Карпова посвящены различным сюжетам из истории религии и выполнены в разных дисциплинарных жанрах. Как всегда, в конце номера мы также помещаем несколько рецензий.